
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

УДК 347.965

ББК 67.75

DOI 10.22394/1682-2358-2021-3-44-51

К.А. Белов, *post-graduate student of the Theory of Law Department, Dubna State University, Lawyer at the law company "Intel-Pravo"*

Н.В. Михайлова, *Doctor of Sciences (Law), Head of the Theory of Law Department, Dubna State University*

LAWYER ACTIVITY LEGAL BASES FORMATION IN THE RUSSIAN EMPIRE DURING THE JUDICIAL REFORM OF 1864

The evolution of the formation and development of the bar as a legal institution is considered. The results of organizational and legal regulation of advocacy in the Russian Empire are studied and the analysis of the legal status of the lawyer is drawn. Peculiarities of private attorneys' activities are revealed.

Key words and word-combinations: judicial representatives, the institute of the bar, judicial reform, judicial statutes of 1864, attorney practices.

К.А. Белов, *аспирант кафедры теории права Государственного университета «Дубна», юрист юридической компании «Интел-право» (email: kirillbelov1878@mail.ru)*

Н.В. Михайлова, *доктор юридических наук, заведующий кафедрой теории права Государственного университета «Дубна» (email: net-46@mail.ru)*

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВЫХ ОСНОВ АДВОКАТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ХОДЕ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1864 ГОДА

Аннотация. Рассматривается эволюция становления и развития адвокатуры как правового института. Исследуются результаты организационно-правового регулирования адвокатуры и адвокатской деятельности в Российской империи, проводится анализ правового статуса адвоката, выявляются особенности деятельности частных поверенных.

Ключевые слова и словосочетания: судебные представители, институт адвокатуры, судебная реформа, судебные уставы 1864 г., адвокатская деятельность.

Радикальные изменения, последовавшие после введения в действие положений судебной реформы 1864 г. в России, от-

крыли широкие перспективы для формирования судебного представительства и правозаступничества новой социальной группы адвокатов, статус которой отвечал всем требованиям классической западноевропейской профессии. Однако эволюция базовых элементов судебной системы в дореформенный и постреформенный периоды, а также особенности правовой культуры бюрократии и общественности накладывали ряд специфических особенностей на образовавшийся в 1860-е годы институт адвокатуры [1, с. 56].

До того как были реализованы нововведения, судебная система России отличалась многоступенчатостью, зависимой от решений высших инстанций, принятых в отношении нижестоящих ревизионных и апелляционных судов. Они, в свою очередь, подчинялись условностям, не позволяющим проводить полномасштабные расследования, отдавая предпочтения формальным доказательствам. Классификация судебно-правового комплекса того времени подразумевала три вида разбирательств: розыскные, состязательные и смешанные мероприятия [2, с. 30].

Реформа включала преобразования самого института правозаступничества, зачатки которого существовали до 1864 г., но были столь незначительны, что не могли оказывать существенное влияние на ход суда. Положение изменилось с введением раздела, регламентирующего присутствие участников заседаний. Данный постулат включал в себя главу, нормирующую деятельность присяжных (лиц, которым было доверено давать оценку происходящему и выносить соответствующие суждения).

«Судебные уставы» положили начало развитию правовой защиты как отдельного направления юриспруденции, имевшего автономию от прочих судебных институтов. Присутствие присяжных позволило снизить количество формально принятых вердиктов по уголовным и гражданским производством, как того требовала ст. 353 нового законодательства.

Следующее положение (ст. 354) наделяло поверенных лиц и присяжных особыми правами, а их обязанности содержались в указаниях ст. 383—406. Регламент касался организации и администрирования скамьи правовых заступников, которые курировались советом присяжных и судебной палаты того округа, на территории которого происходили судилища. Упомянутому совету давались свободные полномочия в деле управления и поддержания дисциплины при исполнении обязательств в суде, представленных ст. 357—378 Учреждения судебных уставов [3, с. 155].

Новоявленная должность присяжного потребовала отбора кандидатов, которых избирали с помощью специального комитета, созданного по инициативе Министерства юстиции империи. Комитет оценивал профессиональные качества соискателей и мог отказать в должности, не объясняя мотивов, по которым было принято отрицательное решение. Очевидно, власть стремилась сохранить контроль за институтом адвокатуры хотя бы частично, поскольку данное правовое направление постепенно ускользало из-под ее контроля. Такая тенденция сложилась с момента вступления в

юридическую силу судебных установлений, который пришелся на 1865 г., спустя несколько месяцев со дня их доступности для общественной оценки. В законодательном акте допускалось частное присутствие доверенного лица наряду с государственными защитниками.

Само понятие «частный поверенный» никак не комментировалось, но это не стало причиной отказа от участия негосударственного адвоката. Впрочем, «адвокат» как юридический термин тоже отсутствовал вплоть до Октябрьской революции 1917 г., о чем свидетельствуют официальные документы тех лет, но среди граждан данное понятие использовалось достаточно часто.

В Российской империи в круг адвокатов входили не только поверенные, назначенные государством, и коллеги, выступающие в частном порядке, но и их многочисленные помощники, объединенные общей целью оказывать правовую поддержку. Подобного мнения придерживается Т.Н. Ильина, которая предлагает относить к адвокатам лиц, имеющих статус соискателей судебных постов [4; с. 37].

Соискатели не являлись защитниками в прямом смысле этого слова, но имели ряд полномочий, позволяющих осуществлять некоторые виды адвокатской деятельности. Назвать их адвокатами не позволял официальный статус кандидата на судебные должности, который обязывал придерживаться иных компетенций. По мнению Т.Н. Ильиной, не следует считать претендентов полноценными защитниками, так как они лишь частично могли выполнять их обязанности [4].

Как только в России официально разрешили оказывать адвокатские услуги в частном порядке, конкуренция среди правозащитников сильно возросла. Сначала специалисты объединялись в сообщества, позволяющие упорядочить адвокатскую деятельность, в том числе по ее эстетическим и моральным направлениям. Затем частное защитное производство приняло грандиозные масштабы — не имея корпоративных ограничений, оно лишилось и общественного контроля.

Создавшаяся ситуация не могла игнорироваться обществом и государством, так как защитники, не обремененные морально-этическими принципами, стали вести дела пренебрежительно и не гнушаясь «запрещенных приемов», стараясь получить быстрый и существенный прибыль любыми способами. Потребителям адвокатского сервиса в сущности были не интересны квалификационные отличия присяжных и частных защитников: главным был результат. Данные обстоятельства имели не только отрицательные, но и положительные моменты, так как адвокаты развивали в себе талант убеждения и старались овладеть ораторским искусством по примеру римских патрициев.

Судебная система дореформенного времени принадлежала закрытому типу и имела элементы, присущие инквизиции. Публике не разрешалось присутствовать на заседаниях, но ситуация в корне изменилась в 1864 г.

С внедрением судебной реформы общественность получила доступ к судебным разбирательствам, причем желание присутствовать на процессе было настолько массовым, что залы не могли вместить всех желающих. Некоторые граждане находили в этом развлечение и сравнивали заседания с театральной постановкой. Особенно много зрителей было на «громких» разбирательствах, где участвовали известные адвокаты. Не остались в стороне и печатные издания, отводившие целые рубрики, посвященные не только криминальным происшествиям, но и судебной хронике. В них публиковались речи защитников, получивших широкий общественный резонанс, но по достоинству не оцененных прокураторами и судьями в течение процесса.

Адвокатская практика была доступна для граждан, достигших возраста 25 лет и получивших высшее юридическое образование. Кроме того, был необходим некоторый защищающий практикум или альтернативный опыт, полученный непосредственно в суде, как это предписывала ст. 354 судебных уставов [5, с. 257].

Отобранным государственным комитетом соискателям адвокатской должности предлагалось пройти подготовительные курсы, которые включали участие в деятельности судебного ведомства, и непосредственно в судебных разбирательствах. Им вменялась обязанность принимать самостоятельные решения по ряду вопросов, но под строгим контролем назначенного присяжного. Предполагалось, что испытание должно было длиться в течение пяти лет, а это требовало денежных компенсаций, поэтому было принято решение приравнять сроки опытной деятельности к оплачиваемой государственной службе, но без возможности занимать альтернативные должности. Если человек посвящал себя адвокатуре, то он не мог претендовать на пост присяжного поверенного лица, как того требовала ст. 355 и комментарии к ст. 406 нововведенного судебного законодательства. Таким образом, становился невозможен рост по карьерной лестнице, который гарантировала государственная служба [6, с. 84].

Введение данного регламента обусловило разделение института на две составляющие: адвокатура, занятая бюрократическим сопровождением судопроизводства, и ее аналог, действующий на практическом поприще. Вследствие такого разделения защитники, функционирующие в двух разных ипостасях, не могли быть объединены в одну социальную категорию. Эмансипация стала особенно выраженной после корректировки испытательных сроков, доведенных до полных пяти лет, по истечении которых адвокат мог получить должность помощника поверенного (присяжного), но только в рамках той компании, в которой он принимал непосредственное участие. Данные требования содержались в ст. 354 судебных уставов от 1864 г.

Статус помощника имел несколько ограничений, в частности, он не допускал вынесения ходатайств по судебным делам. Занимаемая должность подразумевала функцию секретаря или делопроизводителя под патронажем более опытного и знающего коллеги. Желание вырасти из помощни-

ка в полноценного адвоката могло осуществиться в одном случае: это прохождение освидетельствования через орган корпоративного управления, который давал оценку теоретическим знаниям и практическим навыкам. К экзамену привлекалась комиссия, составленная из выбранных присяжных в количестве, предусмотренном ст. 364 рассматриваемого документа.

Войти в сословие присяжных поверенных, социальный статус которых был весьма высоким, можно было после принесения присяги, регламент которой обозначен ст. 381 судебных установлений. Однако получить выгодное место в судебных инстанциях окружного значения можно было исключительно по государственной протекции, которая была доступна для членов адвокатских корпораций.

Теоретически присяжным мог стать представитель любого сословия, включая крестьян, еще недавно находившихся в крепостной зависимости. В провинциальных судах количество малограмотных или неграмотных присяжных было критическим, поскольку к доверительному делу было некого привлечь, кроме мещан и представителей крестьянского сословия [7, с. 218]. В принципе от присяжных заседателей не требовалось образования и глубоких знаний юриспруденции, поскольку их функция ограничивалась присутствием и высказыванием собственных суждений, которые интерпретировались правосудием в одну или другую сторону — истца или ответчика. Присяжным вменялось внимательное отношение к происходящему, озвучивание мнения, исходящего из собственных понятий закона, справедливости, морали.

Очевидно, что адвокатские компетенции подразумевали публичные выступления, позволяющие огласить защитные позиции и в суде, и за его пределами; функции адвоката расширялись за счет деятельности рекомендательного, советнического и координирующего характера. Вне заседания правозащитник мог составлять планы действия, оформлять необходимые документы, анализировать происходящее.

Участники тяжбы могли привлечь адвоката для разъяснения юридической подоплеки спора, поскольку адвокат зафрахтован именно с этими целями. Вместе с тем принятие или исполнение решений находились вне сферы его профессиональных компетенций. Обращались к защитнику в случаях, когда была необходима правовая поддержка, но данное мнение можно считать предвзятым, поскольку на практике адвокат является многофункциональным регулятором правовых отношений. Это выражается в большом количестве обязанностей, которые возложены на присяжного в судебных разбирательствах и вне заседаний.

Присяжные поверенные являются представителями отдельной чиновничьей категории, в которой объединены должностные лица по субъективным признакам, подразумевающим наличие определенного правового статуса. В теории это выглядит как совокупность определенных характеристик, прав и обязанностей, которыми наделены лица, занимающие данные должности [8, с. 190].

Под специальными обязанностями и правами, по мнению эксперта Н.В. Витрука, подразумеваются компетенции, характерные для строго очерченного круга лиц или отдельных категорий граждан, которые исполняют взятые на себя обязательства, не противоречащие общественным устоям, но имеющие тенденцию к развитию [9, с. 317]. Получается, что специальный правовой статус подразумевает определенные свободы, обязанности и права, а также установленный уровень ответственности.

На основании изложенного присяжных поверенных можно причислить к разряду лиц с особым положением [10, с. 126], определяющим место защитников в обществе. Этому способствуют перечисленные правоустанавливающие критерии (обязанность, ответственность, право и свобода), которые определяются законодательством, принятым на территории Российской империи. Кроме базовых постулатов, должность присяжного подразумевает выполнение локальных предписаний, содержащихся в ведомственных нормативных актах, которые являлись инструментами регулирования судебного производства на протяжении второй половины XIX в. до 1917 г. По регламенту того времени присяжные поверенные не являлись государственными служащими, в отличие, например, от представителей судейства, поэтому им не полагались регалии и прочие должностные отметки.

Несмотря на невозможность классификации должности присяжного поверенного по государственной шкале, их статус был законодательно установлен. Главное преимущество заключалось в независимости от суда, который не был уполномочен на ограничение защитной функции по делам гражданского и уголовного характера. Контроль государства выражался в установлении дисциплинарного регламента и некоторых мер ответственности за несоблюдение этических норм. Наказание могло последовать за ненадлежащее исполнение профессионального долга, за который нельзя было преследовать по уголовному законодательству, если дело не касалось материального убытка. Меры носили компенсационный характер — к примеру, в случаях нарушения процессуальных сроков. За это на адвоката могло быть наложено взыскание посредством суда, в котором рассматривалось дело.

Ответственность уголовного характера наступала, если был установлен факт вредительства по отношению к лицу, доверившему присяжному свою защиту в суде. Под наказуемые действия попадал сговор с представителями противоположной стороны, передача ей важных сведений и документов, а также прочие злые намерения, способные принести вред доверителю.

Квалификация позволяла присяжным поверенным вести уголовные и гражданские дела, но часто они не были единственными представителями защиты. Когда рассматривалось уголовное дело, то к участию допускались родственники подсудимого, а когда велось гражданское производство, то нередко на заседания привлекались частные защитники.

Судебная реформа 1864 г. привнесла в российскую правовую систему

положительные моменты, которые позволили систематизировать и упорядочить разрозненные регламенты. Это мгновенно отразилось на судебной практике, которая приобрела интерактивность выносимых решений. Однако такое обстоятельство не было воспринято однозначно положительно, так как привело к невозможности осуществлять тотальный контроль за производством. Адвокатура одной из первых почувствовала контрмеры, пытающиеся вернуть былой контроль. Давление было оказано со стороны Министерства юстиции Российской империи в 1876 г., когда вышел проект, содержащий в себе множественные ограничения для лиц, находящихся в должностях правозащитников. Инициировал проект министр К.И. Пален, который внес его на думское обсуждение. Однако закон потерпел фиаско, как и прочие законодательные проекты, датированные 1890 и 1904 гг.

Судебные уставы от 1864 г. наглядно показали, что судебная система как никогда нуждалась в оптимизации, которая устанавливала границы влияния для государственной власти. Реформа позволила упорядочить теорию действующего права и подвести ее под критерии морали и эстетики. Благодаря реформе образовались новые правовые институты, такие как адвокатура и суд с участием присяжных. Принцип ведения судебного производства стал более корректен, поскольку основывался на состязательности обвиняющей и защищающей стороны, где адвокат становился авторитетным участником процесса. Защитник был вооружен законодательной теорией, а выигрышным условием становилось умение ораторствовать и убеждать оппонентов в своей правоте.

Судебная система получила предпосылки к динамичному развитию, а потому стала гибче и рациональнее. Этому во многом способствовал приток специалистов, которые перенимали европейский опыт с учетом русского менталитета. Вопросами судебного производства и институтом правовой защиты интересовались ученые того времени, которые внесли неоценимый вклад в правоприменительный комплекс, существующий в современной России.

В основу реформы был заложен личностный принцип, который делал систему судопроизводства автономной, то есть независимой от притязаний со стороны государственной власти. К этому стремилась и адвокатура, которая получила в итоге определенную независимость, ограниченную профессиональными и этическими требованиями. Суд реализовал возможность вести уголовное и смешанное производство, тщательнейшим образом изучая обстоятельства и доказательства по каждому конкретному делу, что является базовой установкой для судов современности, хотя данной интерпретации действующее российское законодательство не содержит, а принимает традиционные конструкции с некоторыми оговорками.

Положения, в котором находятся такие правовые направления, как защита в суде, уголовное и процессуальное производство, свидетельствуют об отношениях отдельного гражданина и государства, где правовые инте-

рессы важны, если не в равной, то близкой к этому критерию степени, а достигнуть такого порога можно исключительно путем эволюции. Отличным примером развития права послужила Судебная реформа 1864 г., необходимость которой назрела еще и потому, что Российская империя отставала от Европы, где понятие личности стало привычным и общеупотребительным.

Судебная реформа не могла игнорировать личностные права, поскольку ее базовые концепции были основаны на правовом месте субъекта, который фигурирует в уголовном производстве. В частности, законодатель попытался определить, что такое гарантии личностного права, если их обладатель будет привлечен к уголовной ответственности. Помимо данного образа, стало возможна альтернатива защиты в суде путем задействования присяжного или частного поверенного, которые вместе и по отдельности стали отождествляться с адвокатурой. С внедрением реформы каждая из этих двух групп получила признательный статус, а таких прецедентов в России ранее не было.

Нововведения 1864 г. в корне изменили положение адвокатов, установив для них приоритеты деятельности и возможностей. Это стало причиной того, что заседания перестали быть скрытными мероприятиями, а прозрачность позволила снизить процент дел, решения по которым были приняты с толикой предвзятости. Мало того, услуги защитников были строго тарифицированы, что позволило их получать более широкому кругу населения. Отметим, что современное судебное производство почерпнуло немало полезного из реформаторских идей 1864 г.

Библиографический список

1. Соломатин Е.Н. Становление системы российской адвокатуры в условиях судебной реформы Александра II // История. Историки. Источники: электронный научный журнал. 2015. № 1.
2. Краковский К.П. Судебная реформа 1864 г.: значение и историко-правовые оценки // Журнал российского права. 2014. № 12.
3. Мухаметшин Ф.Б. Институт обвинения и защиты в рамках судебной реформы 1864 года // Правовое государство: теория и практика. 2014. № 3.
4. Ильина Т.Н. Понятие «адвокатура» в дореволюционной России: семантические и правовые особенности // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2012. № 5. С. 142–159.
5. Учреждение судебных установлений от 20 ноября 1864 г. (извлечение) // Хрестоматия по истории государства и права / сост. Ю.П. Титов. М., 2002. С. 256–259.
6. Аксенов А.М. Организационно-правовое становление российской адвокатуры в ходе судебной реформы 1864 года // Юристь-Правоведь. 2009. № 3.
7. Демичев А.А. История суда присяжных в дореволюционной России (1864–1917 гг.). М., 2007.
8. Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов, 1987.
9. Витрук Н.В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. М., 1979.
10. Стремоухов А.А. Юридический статус специального субъекта права (теоретико-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002.